

**ПИОНЕРСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
МОДЕРНИЗАЦИИ: СОЗДАНИЕ УНИКАЛЬНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В США
(К КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Аннотация. В силу крайне благоприятных географических и климатических условий, гигантской иммиграции и демократии, начинающейся на низовом уровне, американская модернизация оказалась уникальной. Автор подтверждает ее уникальность, сравнивая модернизацию в США с развитием европейских и южноамериканских стран, Канады и России.

Ключевые слова: модернизация; модели модернизации; модернизация в США; государственная политическая система США; история США в XIX–XX вв.

Abstract. Thanks to extremely favorable geographic and climate conditions, great immigration and democracy starting at the bottom level American modernization has been unique. The author confirms its uniqueness comparing Modernization in the USA to the development of European, Southern American countries, Canada and Russia.

Keywords: modernization; models of Modernization; Modernization in the USA; State and Political System of the USA; USA History in the 19-th – 20-th centuries.

Все страны по-своему уникальны, но уникальность заатлантической республики является общепризнанной. Побудительными причинами этого стали конституционно-политические достижения бывших английских колоний в конце XVIII в.: быстрое завоевание ими независимости от метрополии, своевременный переход от конфедеративного к федеративному государству, принятие первой в мире конституции с Биллем о правах, создание классической схемы разделения властей с системой сдержек и противовесов. Однако удача сопутствовала будущим США еще до провозглашения ими независимости. Она проявилась конкретно в предпосылках модернизационного старта (рис. 1), а впоследствии в итоговой предпосылке – Войне за независимость 1775–1783 гг. Вспомним, что последняя проходила не только в обстановке патриотического подъема и общественного согласия, но и при поддержке двух европейских держав (Франции и Испании), сковавших британский военно-морской флот. Великобритания, которая никогда не обладала крупной сухопутной армией, смогла выставить на войну со своими колониями чуть более 50 тыс. войск, что было явно недостаточно для огромного театра военных действий.

Казалось бы, молодому американскому государству, начинающему жизнь с «чистого листа», нечего было модернизировать, а необходимо было создавать все заново. На самом деле модернизация – это сложный, всесторонний процесс, который был призван не столько переделать, сколько развить старое колониальное общество. Возможности для этого предоставляли не только факторы внешней среды, но и политические достижения молодого социума. В ходе Войны за независимость и первых послевоенных лет окончательно утвердились традиции «низовой демократии», с которыми американской элите приходилось считаться. Это побуждало ее вырабатывать чрезвы-

чайно сбалансированную, продуманную модель управления. По сути дела, начало модернизации государства открывало дорогу к политической модернизации (рис. 2). Политизация социума в молодом государстве происходила стремительно.

Рис. 1. Модель модернизационного старта в США (вторая половина XVIII в.)

Без всякого нажима со стороны масс, спокойно и конструктивно в годы Войны за независимость осуществлялось ощутимое наращивание электората, представительство лиц среднего достатка увеличилось в два раза (до 40 %) [1].

В начале XIX в. имущественный ценз перестал вводиться в новых западных штатах, а в 1820-е гг. в старых штатах атлантического побережья делались вынужденные уступки рядовым гражданам, так что имущественный фильтр для белых мужчин сохранялся только в трех из 28 штатов.

Условия для электоральной свободы создавали исключительно благоприятные возможности для развития политических партий. По сути дела, они оформлялись в течение одного десятилетия – в 1780-е гг., и в отличие от стран Европы им приходилось выполнять ряд государственно-вспомогательных функций.

В слабозаселенном, потенциально подверженном сепаратизму молодом государстве партийные структуры взяли на себя **функцию стабилизации конституционного строя**. Каждая из стремительно рождающихся партий – федералисты и республиканцы – могли руководствоваться различными политическими принципами, но обе они были заинтересованы в упрочении Американской республики. Равным образом выполняли они и задачи государственного целеполагания, т.е. выработку государственного курса, что было особенно актуально для пионерского общества. Партии взяли на себя также

функцию **политической мобилизации**, т.е. активизации гражданских действий, в том числе и участия в выборах. Опять-таки в Европе, отягощенной феодально-демократическими пережитками, такая задача перед государством не стояла. Наконец, американский демократический эксперимент нуждался в кадрах должностных выборных лиц. **Кадровая функция** была особенно значима, ибо в США отсутствовали вековые механизмы феодально-корпоративного выдвижения государственного аппарата [2].

Рис. 2. Политическая модернизация

В США сложилась **массовая поддержка партий и особый партийный дух**, что выражалось в высокой посещаемости выборов (до 60–80 % избирателей) [3] и в массовых партийных манифестациях, удивлявших европейских путешественников [4]. Здесь же в общественном сознании и политической практике сложился **принцип дележа добычи**, признававший право партии – победительницы на выборах в заполнении госаппарата своими сторонниками. Это выглядело в глазах американцев чрезвычайно демократично, поскольку признавало право на участие в государственном управлении любого американца. В то же время это давало в руки партийных лидеров (боссов) мощное оружие – **патронаж** (т.е. возможность распоряжаться государственными должностями и вознаграждать своих приверженцев).

Еще одна уникальная черта американской политизации – рано установленная здесь максимальная свобода для печати. Партии этим воспользовались и создали достаточно разветвленную партийную печать, финансово стимулируя ее за счет государственного бюджета. Так, согласно закону 1814 г. предусматривалась публикация всего федерального законодательства в двух любых (а позже – в трех) газетах от каждого штата. Кроме того, конгресс

стимулировал публикацию своих собственных дебатов в вашингтонских газетах. Всего за 26 лет действия патронажа три наиболее близких властям вашингтонских издания собрали 1,9 млн дол. на правительственных заказах [5].

Можно считать, что в условиях Европы становление правового государства и гражданского общества происходило достаточно поздно, на последующем этапе модернизации. Однако особые условия американской демократии интенсифицировали этот процесс. Закон всецело входил в государственную жизнь с момента рождения США, а жесткий индивидуализм и одновременно конформистский патриотизм первопоселенцев содействовали быстрому продвижению гражданского общества (последнее мы связываем с эпохой «джексоновской демократии», когда наблюдался расцвет общественных организаций).

Однако и в особых условиях США продвижение к новому обществу не было одномоментным и опиралось на сложное взаимодействие экономических, социальных и политических факторов (рис. 3). Важным рубежом для ускорения модернизационных процессов стала Гражданская война 1861–1865 гг., которая устранила рабство как главное препятствие для формирования единого внутреннего рынка.

С большой долей уверенности выскажем предположение, что окончательный раскол страны на два государства – северные штаты и южные штаты – был вполне реален. Именно поэтому Север с таким самоутвержденным упорством боролся за единство федерации, развитие которой после 1865 г. приобрело невиданное ускорение. Западная граница поселений стремительно продвигалась к Тихому океану, происходило создание все новых и новых штатов. Численность госаппарата увеличилась с 3 тыс. в 1816 г. до 155 тыс. в 1890-е гг. [6]. После 1865 г. государственный бюджет вырос примерно с 10 млн дол. до 250–300 млн дол. в начале XIX в. [7], а сама исполнительная власть активизировалась, для чего удобный повод дала Американско-испанская война 1898–1899 гг.

Закон Пендльтона 1883 г. устанавливал конкурентные экзамены на профессиональную пригодность для государственных служащих, чем наносился удар по боссизму. Не только сокращалась сфера партийного патронажа, но и запрещалось преследование госслужащих за нежелание оказывать материальную помощь партии, которая выдвинула их на должность. К концу XIX в. система конкурсных экзаменов охватывала 46 % всех должностных позиций. То есть у боссов в распоряжении остались малооплачиваемые должности почтмейстеров 4-го класса с окладом менее 1000 дол. [8]. **Но боссы сохранили влияние на жизнь государства прежде всего через воздействие на законодательную власть**, обладавшую «силой кошелек». Рано укоренившийся в США лоббизм, т.е. оказание законодателям небескорыстных услуг бизнесу и другим заинтересованным частным лицам, позволил боссам как ключевым игрокам в этом процессе сохранить свое положение.

После 1865 г. у американских политических партий оказалось сильно гипертрофированной организационная функция, поскольку им приходилось прикладывать немало усилий для мобилизации своих сторонников из разных социальных слоев и особенно этнически многоликих иммигрантов. В то же время второстепенное значение стало придаваться партийной идеологии: по большей части разница в официальных платформах между двумя партиями свелась к размеру таможенных пошлин. Излишняя опека республиканцами и

демократами большого бизнеса вызвала острое недовольство у рядовых избирателей и создавала кризисную ситуацию для двухпартийной системы. Только своевременный маневр со стороны демократов южных и западных штатов и блокирование их с радикальной фермерской партией популистов спас положение для двухпартийного тандема. Кстати, именно в это время проявилось мощное пропагандистское воздействие американской печати, которая превратилась в крупное предприятие и, освободившись от контроля партий, не потеряла интереса к политике.

Рис. 3. Модернизационная модель США (конец XVIII – начало XX вв.)

Как видим, модернизация в США осуществлялась иными темпами и в несколько иных формах, чем в Европе [9]. Главная отличительная ее черта – **пионерский характер**. Под этим мы подразумеваем не только то, что в ней участвовали первопоселенцы, но и элемент новаторства.

Разумеется, плотно населенные и отягощенные феодальными пережитками страны Европы ничего этого не знали. Освоение новых земель по другую сторону океана создавало властям и колонистам определенные трудности (например, анклавное развитие новых отраслей экономики и технологий, слабость центральной власти), но высокая динамика общественного прогресса эти трудности нейтрализовала. Другая черта американской модели – ее демократизм, проявляющийся как на нижних, так и на верхних этапах государственной конструкции, – давал США также немалое преимущество перед Европой. Однако были ли США единственным государством белых поселенцев? Нет. Канада, страны Латинской Америки дают примеры массовой иммиграции из Европы (табл. 1). Вместе с тем эта иммиграция развивалась не во вполне благоприятных природных климатических и хозяйственных условиях, либо она не подкреплялась должными механизмами социальной стабилизации и демократии.

Таблица 1
Заокеанская миграция в 1851–1914 гг. (в тыс. чел.) [10]

Годы	Аргентина	Бразилия	Канада	США
1851–1860	–	122	–	2598
1861–1870	28	98	176	2315
1871–1880	262	218	343	2811
1881–1890	842	530	887	5245
1891–1900	648	1144	341	3689
1901–1909	1765	695	1644	8796
1911–1914	966	581	1258	4133

В **Канаде**, находящейся в более суровых природно-климатических условиях, долгое время не складывались передовые хозяйственные уклады. Пушной промысел находился в руках английских купцов, не заинтересованных в развитии страны. В землевладении господствовали компрадорские элементы, подвергавшие эксплуатации своих арендаторов и не содействовавшие применению передовых технологий. Усложняло ситуацию присутствие в составе английских владений в Канаде франкоязычного Квебека. У демократических слоев Канады, поддерживаемых извне – со стороны США, не хватало сил, чтобы добиться независимости от метрополии и утвердить демократию, но английские власти, не дожидаясь полномасштабной революции, предоставили канадским провинциям, объединившимся в федерацию, статус доминиона (1867 г.). Таким образом, в Канаде со значительным запаздыванием по сравнению с США началась модернизация, но назвать ее пионерско-демократической никак нельзя.

В точности так же нельзя использовать аналогичное определение к процессу развития стран **Центральной и Южной Америки** в XIX в. Здесь, в отличие от американских колоний, не только использовались исключительно военно-бюрократические методы управления, но они существенно дополнялись миссионерско-эксплуататорской деятельностью католической церкви.

Не способствовало консолидации латиноамериканского общества и его прогрессу сложная социальная структура, наличие рабов-негров и столь же бесправных местных индейцев, мулатов и метисов с примесью испанской крови, белых бедняков и креольской аристократии, не допускавшей до управления чистокровными испанцами, которых здесь было не более 150 тыс. из почти 17 млн чел. населения. Иными словами, в подобных условиях обретение независимости было неизбежным и сводилось просто-напросто к свержению меньшинства большинством [11].

Победа в затяжной Войне за независимость 1810–1826 гг. бывших испанских колоний ознаменовала начало их модернизации. Однако в условиях социально-экономической отсталости и серьезных противоречий в обществе она проходила с большими трудностями. Одним из главных препятствий был **каудилизм** (вождизм) как порождение латифундистско-аграрного строя в условиях военной и политической слабости государственных структур. Местный помещик, защищая свою собственность (в том числе и от «диких» индейцев) силами своих крестьян-арендаторов, становился вождем в округе и при известном стечении обстоятельств мог претендовать на власть в масштабах всей страны. Это серьезно подрывало политическую стабильность, которой препятствовали и другие обстоятельства, например неурегулированность территориальных споров. Так, **Аргентина** только к середине XIX в. сумела консолидироваться, решив проблему провинции и города Буэнос-Айрес, которым не желали подчиняться другие провинции. Бразилия, объявившая свою независимость от Португалии в 1812 г. и оставшаяся монархией, испытывала острый конфликт между централистами и федералистами, а республикой стала только с 1889 г. Так или иначе эти и другие южноамериканские страны реально подверглись модернизации только во второй половине XIX в., когда в них устремились массы иммигрантов из разных стран Европы. «Это были и квалифицированные рабочие, и умелые землевладельцы, и политические борцы. Последние направлялись за океан в основном из Франции (после падения Парижской коммуны), Германии (после введения Бисмарком Исключительного закона против социалистов) и Испании [12].

Наконец, в судьбе Российской империи переселенческий фактор сыграл немалую роль, но это не было естественное, свободное переселение, а, с одной стороны, бегство крепостных на окраины империи, а с другой стороны, целенаправленное усилие центральной власти по организации военно-хозяйственной экспансии. Как и в случае с Канадой, южноамериканскими странами здесь практически не использовались демократические институты [13].

На рубеже XIX–XX вв. модернизационные процессы одержали окончательную победу. Так было не только в США, но и во многих других странах. В рамках государственно-политической системы формируются силы, содействующие переходу от классического либерального к современному регулируемому государству (рис. 4).

Осталась ли прежней в новых условиях XX в. модель модернизации? Разумеется, нет. Условия развития кардинально изменились: исчезла западная граница, на демократические институты сильное влияние оказывать стали имперские амбиции, в практику государственного управления вошел этатизм. Переход к **имперско-неолиберальной модели зрелой модернизации** начинается с Нового Курса Ф. Д. Рузвельта, и эта модель опять-таки отличается подчеркнутой уникальностью. Но это уже тема другого исследования.

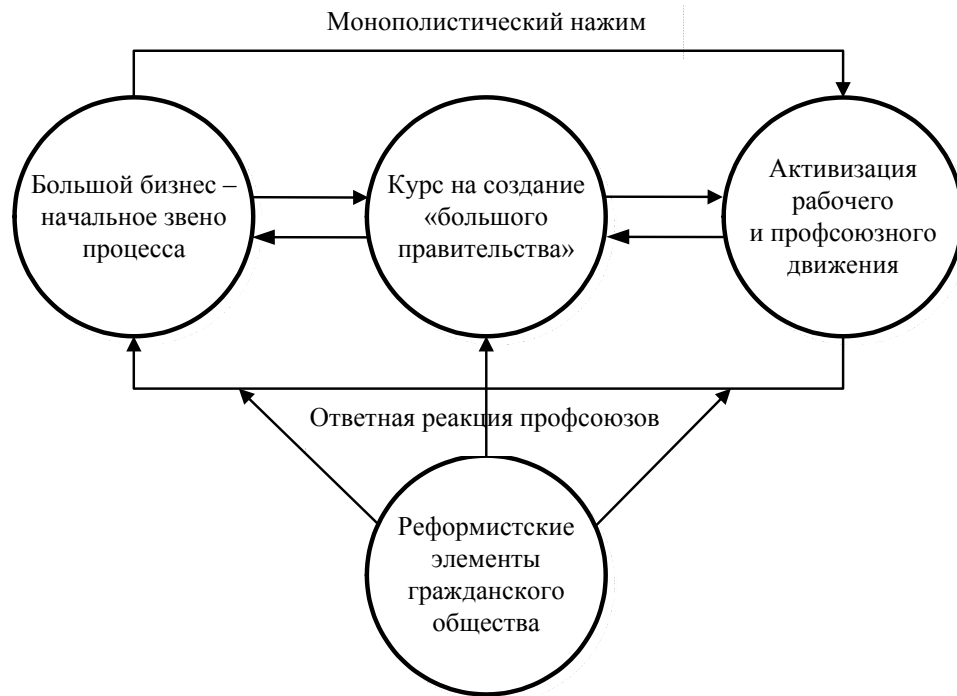

Рис. 4. Основные социально-политические силы в условиях модернизации. Начало перехода от классического либерального к современному регулируемому государству (рубеж XIX–XX вв.)

Список литературы

1. История США. – М., 1983. – Т. 1. 1607–1877. – С. 140.
2. Саломатин, А. Ю. Американские политические партии как компенсационно-вспомогательный инструмент укрепления государственного механизма (конец XVIII – XIX вв.) / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2004. – № 1.
3. Burnham, W. D. Elections as Democratic Institution / W. D. Burnham // Elections in America / ed. by K. L. Schlozman. – Boston, 1987. – P. 33–35.
4. Watson, H. Liberty and Power. The Politics of Jacksonian America. – N.Y., 1990. – P. 3.
5. Emery, E. The Press and America. – Enlewood Clibbs, 1984. – P. 115, 119.
6. Weisberger, B. A. Who Made the Government Grow // American Heritage. – 1997. – September. – P. 44.
7. Studensky, P. Financial History of the U.S. / P. Studensky, H. E. Kross. – N.Y., 1952. – P. 163, 203, 215, 236.
8. Skowroneck, S. Building an American State. The Expansion of National Administrative Capacities / S. Skowroneck. – Cambridge, 1982. – P. 69, 72.
9. Саломатин, А. Ю. Европейские подходы к модернизации (сравнительный анализ тенденций социально-экономического и политического развития европейских стран в XIX в. / А. Ю. Саломатин // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 3.
10. Nugent, W. The Great transatlantic migrations, 1870–1914 / W. Nugent. – Bloomington, 1992. – P. 14.
11. Линч, Дж. Революция в Испанской Америке. 1808–1826 / Дж. Линч. – М., 1979.
12. Ларин, Е. А. Всеобщая история. Латиноамериканская цивилизация : учеб. пособие / Е. А. Ларин. – М., 2007. – С. 350–351.

13. **Саломатин, А. Ю.** Обновление Российского государства в контексте мирового модернизационного процесса (сравнительное политико-правовое исследование) / А. Ю. Саломатин, А. С. Туманова // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2.
-

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
и основ права, руководитель Центра
сравнительно-правовой политики,
Пензенский государственный
университет, действительный член
Академии политической науки

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yuryevich

Doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of political science
and law foundations, director of the Center
of comparative legal policy, Penza State
University, full member of the Academy
of political science

УДК 321.6/.8

Саломатин, А. Ю.

Пионерско-демократическая модель модернизации: создание уникальной государственно-политической системы в США (к компаративистской постановке проблемы) / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 11–19.